

ДЕГТЯРЕВА В. А. — в ОГПУ

ДЕГТЯРЕВА Вера Александровна, родилась ок. 1866. Окончила медицинский факультет университета, с 1900-х — служила земским врачом, затем врачом в больницах Петербурга¹; во время эпидемий работала в провинции. В начале 1920-х — работала ординатором в клинике профессоров Снигирева и Губарева, затем в лаборатории физиолога Павлова Ивана Петровича. Имеет много научных работ; после защиты диссертации — доктор медицины. В конце 1920-х — работала врачом квартирной помощи и школьным врачом двух школ. 2 марта 1929 — арестована как «участница контрреволюционной монархической организации "Воскресение"». 30 марта освобождена под подписку о невыезде. 22 июля 1929 — приговорена к 3 годам концлагеря², ввиду преклонного возраста лагерь заменен ссылкой на тот же срок, отправлена в Краснококшайск³. 6 августа вновь арестована, через месяц была отправлена в Краснококшайск (Йошкар-Ола); тяжело заболела там малярией.

В феврале 1930 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<24 февраля 1930>

«Председательнице "Помощи Политзаключенным"
Екатерине Павловне Пешковой.

Д<октора>ра Мед<ицины>
Веры Александровны Дегтяревой

Обращаясь к ходатайству Вашему о моем освобождении, я в виду ошибочной информации моего дела постараюсь осветить его, как оно было в действительности. 2-го марта 29 г<ода> я была арестована по совершенно неизвестной мне причине и препровождена в Д<ом> П<редварительного> З<аключе-ния> по Шпалерной ул<ице>, а после четырехнедельного пребывания, после опроса, была освобождена. Я была уверена, что следствие выяснило мою невиновность, и что дело мое закончено, даже некоторые из моих вещей, взятые при моем аресте, были мне возвращены; причем, следователь, у которого я получила эти вещи, сообщил мне, что прав своих я не потеряла.

До момента моего ареста я занимала две службы: врача Квартирной Помощи и школьного врача 2-х школ; от первой должности я была отставлена; по второй же завед<ующий>, знавший мою работу и отношение к своему делу, предложил мне работу продолжать. Будучи потрясенной пережитым арестом и имея совершенно расстроенное здоровье продолжительной работой, от этого предложения я отказалась по инвалидности. 6-го августа я совершенно неожиданно подверглась вторичному аресту и через месяц была выслана по этапу в Краснококшайск для свободного проживания на три года, причем, мне не была сообщена сущность моего обвинения и только после неоднократного ходатайства моей сестры о моем освобождении в Прокуратуре в Москве выяснились обвинения меня в небывалых преступлениях: возглавление какого-то движения, в устройстве собраний. Постараюсь, насколько хватит моих сил, освободиться от приписанных мне обвинений, хотя очень

¹ В больнице Эрисмана, в Бюро врачебной экспертизы и высшего врачебного контроля, школьным санитарным врачом, врачом квартирной помощи, в 1916-1918 — старшим врачом подвижного госпиталя.

² И. Флиге, А. Даниэль. "Дело А. А. Мейера". СПб.: "Звезда", 2006. С. 157-194.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 362. С. 212-213.

желала бы сделать это лично и при помощи свидетельских обо мне показаний людей, хорошо знающих всю мою жизнь.

Работая около тридцати лет в различных учреждениях Ленинграда, Москвы и провинции в качестве врача: в Ленинграде Больница Эрисмана, Бюро Врачебной Экспертизы и высшей Врачебной Контрольной Комиссии, Школьно-Санитарного врача Мос<ковского> Нарв<ского> района, Врача Кварт<ирной> Помощи Петрогр<адского> и Моск<овского> Нарв<ского> районов, на позиции в войну 1916-18 г<одов> Старшим врачом Подвижного Госпиталя. В Провинции на эпидемиях разного рода и в разные времена. В Москве в Клинике проф<ессоров> Снигирева и Губарева, состоя ординатором этого последнего.

В Ленинграде работала в Лаборатории Проф<ессора> Физиологии Ивана Петровича Павлова, который, как мне сообщили, далее ходатайствовал о моем освобождении. Имею научные труды. Состояла в Секции Научных Сотрудников Цекубу. Я работала не менее 12-14 ч<асов> в сутки. Кроме того, будучи человеком верующим, интересовалась вопросами религиозно-философскими и в период функционирования, как совершенно легального учреждения, Богословского Института на Троицкой ул<ице> в Ленинграде в 21-22 г<одах>, я могла уделить иногда вечером несколько часов в неделю по интересующим меня вопросам, никаких специальных целей в слушании этих лекций не имела, да и не могла иметь: ведь годичное поверхностное изучение этих вопросов мало могло дать, тем более, что вскоре Институт закрылся, и естественно прекратились эти занятия; к тому же времени я заболела тяжелой формой сыпного тифа и проболела несколько месяцев. Живя очень уединенно и замкнуто, никаких собраний не собирала у себя, за исключением небольшого количества пациентов, ближайших родственников, которые посещали меня в больнице, праздники два-три раза в году, а в последние годы и этого рода собраний у меня не бывало, так как и это уже утомляло меня. Теперь судите, Екатерина Павловна, может ли человек, проживший такого рода жизнью, полную труда на пользу науки и ближнего, на 64 году, человек, совершенно лишенный здоровья и почти зрения, заняться контрреволюцией; я всегда была далека от политики, слишком перегружена работой, через мои руки за мою жизнь прошло не менее 200 тысяч больных разного рода; да и, кроме того, как человек верующий, живущий заветами Христа, призывающего к терпению и терпимости всяких правительств. Не знаю, чем объяснить приписанные мне обвинения, удивляюсь ошибочному пути, по которому пошло в отношении меня следствие. Допускаю возможность тайного ложного доноса, имею основание допускать такой донос, который сыграл свою роль.

На все вопросы следователя я считала своим долгом отвечать только правду и ничего не скрывать: на вопросы "знаю я таких-то лиц?" Ясно, я их знала и отрицать этого не могла, это были в большинстве мои пациенты, посещала и я их, опять-таки, как больных, и, если были у нас какие-либо посторонние точки соприкосновения, то только религиозные вопросы, в чистом смысле этого слова, причем, никакой организации не было, и все это имело случайный характер и, конечно, о контрреволюции здесь не могло быть и речи. Вас же, Екатерина Павловна, прошу (прошу) поверить правдивости и искренности моих показаний, ходатайствовать о моем совершенном освобождении, как человека абсолютно невиновного, и как из ранее представленной справки о моем здоровье видно, что и жить-то мне осталось немного, а в настоящее время здоровье мое ухудшилось значительно, слабость резко усилилась; к тому еще прибавлю, что арест мой совершенно разорил меня материально, лишив всех результатов моей тяжелой трудовой жизни. Справку Амбул<атории> о сост<оянии> здоровья прилагаю.

Д<окто>р Дегтярева.

24/II-1930.

Краснококшайск, Набережная, д<ом> № 1»⁴.

В марте 1930 — Вера Александровна Дегтярева обратилась с заявлением в ОГПУ.

<1 марта 1930>

«В Особое Совещание ОГПУ

Д<октора>ра Мед<ицины>
Веры Александровны Дегтяревой

Заявление

2 марта 1929 г<ода> я была арестована и препровождена на Шпалерную в Д<ом> П<редварительного> З<аключения>, а после допросов, после непродолжительного там пребывания, была освобождена. Я была уверена, что невиновность моя была выяснена, и дело мое совершенно закончено, между тем же 6-го августа я была снова арестована и вскоре этапным порядком была выслана в Краснококшайск на жительство на три года. Прошу об освобождении меня от наказания, приняв во внимание нижеследующее:

1) Я являюсь врачом с тридцатилетним стажем, оказывала медицинскую помощь некоторым из участников “Дела Церковников”. Из этого не следует делать заключения, что я являюсь участницей в самом деле, так что следствие в отношении меня пошло по совершенно ошибочному пути, я к делу этому не причастна и только, как врач, имела там общение.

2) Всю свою жизнь я посвятила медицине и общественной работе, начиная с земской работы на эпидемиях холеры, тифа и друг<их>, затем в Москве и Ленинграде в больнице им<ени> Эрисмана, в Бюро Врачебной Экспертизы, Школ<ьным> Санитар<ным> врачом и врачом Кварт<ирной> Помощи, Стар<шим> врачом Подвижного Госпит<аля> в войну 1916-18 г<одов>, в Клинике в Москве проф<ессоров> Губарева и Снигирева (ординатором), в Физиологич<еской> лаборат<ории> проф<ессора> Павлова. Имею печатн<ые> научн<ые> труды, состояла в Секции научн<ых> сотрудн<иков> — всю жизнь была перегружена научной работой, так что не имела даже физической возможности участвовать в каких-либо политических организациях.

3) В настоящее время мне 64 года, страдаю миокардитом с отеками, общим малокровием, нервным потрясением (вследствие ареста и тюремного режима с последующей высылкой) и еще некоторыми друг<ими> заболеваниями (согласно справке врачебно-контрол<ьного> Бюро, прилож<енной> к делу). В настоящее время нахожусь в тяжелых физических и моральных условиях в Краснококшайске, я не могу использовать свой научный опыт, являюсь бесполезной для пролетарского общества, поэтому прошу вернуть меня в условия культурной жизни к моей семье в Ленинград, где я еще могу приносить пользу как науке, так и ближнему.

Д<окто>р Мед<ицины>
Вера Алекс<андровна> Дегтярева.

Краснококшанск, Мар<ийская> область, Набережная 1.
1/III -1930 г<ода>»⁵.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 461. С. 22-23. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 429. С. 418-419.

В 1932 — Вера Александровна Дегтярева была освобождена из ссылки⁶, вернулась в Ленинград, продолжила научную работу.

В марте 1935 — Вера Александровна Дегтярева была выслана из Ленинграда в Новгород на 5 лет⁷, в 1936 — просила помощи Помполита в ходатайстве об отмене высылки⁸.

---

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 461. С. 18, 22-23.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1723. С. 63-67.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1497. С. 47-49.